

Стоило младенцу в колыбели снова зайтись истошным плачем, как Гэ Хуань едва сдержал безумное желание уложить младшего братишку в какую-нибудь деревянную лодчонку и пустить ее по течению. И чем дальше унесет — тем лучше. С глаз долой — из сердца вон.

Сегодня шел восьмой день с тех пор, как Гэ Хуань угодил в роман. Целых четыре дня у него ушло на то, чтобы просто примириться с этой дикой реальностью.

Книжка называлась «Легенда о культивации Злого Лорда в ином мире».

В свое время этот роман гремел на всех мужских литературных платформах, мгновенно взлетая на вершины рейтингов. О нем не слышал разве что ленивый. Гэ Хуань тогда поддался общему безумию и тоже засел за чтение, но так и не ощутил обещанного азарта, драйва или сладкого чувства триумфа, которые обычно дарят подобные истории.

Главный герой страдал на протяжении всей книги. В начале — беспросветная нищета, в середине — жуткие испытания, в конце — сплошной кошмар. И даже когда он наконец обретал силу, этот путь преодоления казался тяжелее, чем поход монаха Трипитаки за священными сутрами со всеми его девятью девятью — восьмьюдесятью одним — бедствиями. Настоящий мученик, каких свет не видывал! На протяжении всего повествования — ни тебе спасительной «системы», ни верных друзей, ни возлюбленной. Круглый сирота во всех смыслах.

Оглушительный успех романа объяснялся просто: автор писал героя с самого себя. Простой, лишенный пафоса слог и поразительное внимание к бытовым деталям делали свое дело. Пусть мир и был фэнтезийным, но история казалась настолько живой и осязаемой, что читатели верили каждому слову. Поговаривали, что даже у суровых мужчин при чтении наворачивались слезы, а девушки и вовсе рыдали навзрыд целыми сообществами, называя книгу «главным эпическим шедевром года о силе духа».

Сам Гэ Хуань, отродясь не знавший невзгод, лишь плевался от главного героя. В начале книги тот казался ему круглым идиотом, в середине — терпилой, и лишь под занавес превращался во что-то отдаленно напоминающее мужчину. Создатель этой писанины явно страдал мазохизмом: его протагонист, наивный как дитя, упорно лез на рожон, отказываясь принимать очевидное. Он не желал ожесточаться до самого финала — пока в его груди теплился хоть единый вдох, автор продолжал самозабвенно измываться над ним.

Гэ Хуань считал эту книгу отборнейшим мусором. И если бы не страстное желание дождаться момента, когда герой наконец-то переродится в истинное зло, сотрет с лица земли этот треклятый орден Цзюньшань, саморучно придушит своего наставника-садиста и взойдет на вершину мира бессмертных, он бы забросил чтение еще на первых главах. Ну и, конечно, все вокруг тогда только об этом романе и трещали, так что он просто не захотел отставать от моды.

Как-то раз в общежитии, когда Гэ Хуань вполголоса костерил этот дурацкий шедевр, сокрушаясь, что делит имя с главным героем, его услышал сосед по комнате, Хэ Игэ. Дело кончилось знатной потасовкой. Этот придурок тогда орал: «Да ты на себя посмотри, убожество! Радуйся, что тебя зовут так же, как этого парня. Попади ты в его шкуру, и трех

глав не протянул бы! А еще рот разеваешь!»

Паршивец Хэ Игэ!

Они вообще терпеть друг друга не могли. Любая мелочь становилась поводом для очередной священной войны: очередь в туалет, оброненная футболка, чужое полотенце или место за столом. Заклятые враги, не иначе. Каждый из них спал и видел, как отправляет соперника на восемнадцатый круг преисподней без права на перерождение. Гэ Хуань искренне недоумевал, зачем вселенная вообще создала такое недоразумение, как Хэ Игэ.

И вот, пожалуйста — ирония судьбы во всей красе. Теперь он сам торчал внутри этой проклятой книги. Жестокая серая реальность обрушилась на него подобно обуху по голове. Поначалу хотелось просто умереть на месте — находиться здесь было физически невыносимо. Семья главного героя была не просто бедна, она буквально балансировала на грани выживания.

Их лачуга лепилась на самой окраине деревни Чжуанъюань. Покосившаяся, гнилая развалюха продувалась всеми ветрами; загляни сюда мышь — и та зарыдала бы от жалости, утягивая ремень на тощем брюхе. А позже выяснилось, что это убожество они еще и арендовали у соседей. Под свинарник. Слово «нищета» здесь даже близко не подходило — увиденное полностью перевернуло представления Гэ Хуаня о бедности.

Впрочем, Гэ Хуань втайне гордился собой — все-таки продержался целую неделю! Если ему суждено когда-нибудь вернуться домой, он непременно похвастается родителям, что научился голодать по четыре дня кряду и даже освоил кулинарное искусство.

В этот момент к нему подошла немая младшая сестра. Шестилетняя девочка робко потеревала край его лохмотьев и указала на свой впалый животик. Кое-как утихомирив кричащего младенца, Гэ Хуань выжал из себя вымученную улыбку:

— Подожди немного, сестренка. Сейчас я что-нибудь соображу.

Уложив брата обратно в колыбель, он отправился к очагу.

Если верить сюжету, со дня на день должны были явиться здешние вышибалы, чтобы отобрать у них даже это убогое жилье. Книжный протагонист пытался сопротивляться, за что был жестоко избит, унижен и выброшен на улицу. В итоге вся семья оказалась в Разрушенном храме.

А там, под дырявой крышей святилища, их ждала новая беда — шайка озверевших нищих. Отца забьют до смерти, младших детей заберут в рабство, а сам главный герой принесет клятву мести, которая и приведет его на тернистый путь совершенствования. Безжалостный и кровавый.

Гэ Хуань огляделся по сторонам. Четыре голые стены, которые можно было обрушить одним хорошим пинком, решето вместо крыши во время дождя и удушающая духовка в ясные дни. Он здраво рассудил: за какую такую великую ценность тут сражаться? Эта аварийная постройка разваливалась от старости. Пусть забирают, черт с ними.

Ближе к вечеру он сварил несколько подгнивших капустных листьев, которые сестра подобрала на рынке, покормил ее, напоил младенца чистой водой и проверил прикованного к постели парализованного отца. Твердо решив избежать бессмысленной трепки, Гэ Хуань начал собирать нехитрые пожитки, готовясь уйти по-хорошему.

Отец семейства в его глазах был обычным «овощем» — живым манекеном, выполняющим роль декорации. Что случилось с матерью, автор так и не удосужился объяснить: она просто исчезла еще до начала основных событий, и за всю книгу о ней не упомянули ни единым словом.

Уложив отца на скрипучую деревянную тележку, усадив туда же младших, Гэ Хуань покатил свой нехитрый транспорт прочь от лачуги. Он целенаправленно пошел в сторону, противоположную Разрушенному храму.

Малышка сидела на краю телеги и молча наблюдала за ним своими огромными, ясными глазенками. У Гэ Хуаня защемило в груди. Он ободряюще улыбнулся:

— Поспи немного, ладно? Братишка отвезет вас в хорошее место. Проснешься — а мы уже там.

Девочка послушно кивнула и улеглась на солому рядом с неподвижным отцом.

Закат догорал тихим янтарным светом, укутывая землю прощальным, обманчиво ласковым теплом.

Гэ Хуань лихорадочно размышлял, где устроиться на ночлег. Вариант с лесом казался не самым худшим: там наверняка найдутся дикie ягоды или плоды, а если повезет — можно поймать пару зайцев и наконец-то нормально поесть. Мысль об экстремальном выживании на лоне природы неожиданно взбодрила его и придала сил.

Но его оптимистичный настрой мгновенно улетучился, когда в голове зазвучал до боли знакомый раздражающий голос.

[Непобедимая Роскошная Верховная Система Трансмиграции в Книгу заботливо предупреждает: в данный момент вы не обладаете достаточным влиянием для изменения сюжета. Пожалуйста, вернитесь на основную ветку повествования, иначе ваши очки репутации будут снижены]

«Да ладно тебе, у меня сейчас полно этих очков, — мысленно огрызнулся Гэ Хуань. — Спишешь малость, не обеднею».

Он даже шагу не сбавил, продолжая упрямо толкать тележку вперед.

[Отказано. Вы пытаетесь совершить критическое отклонение от канонического сценария. В случае продолжения движения все накопленные очки репутации будут полностью аннулированы]

«Полностью аннулированы?! — Гэ Хуань едва не споткнулся. — Это что же, все мои мучения псу под хвост?!»

— Послушай, а если я сразу направляюсь к Разрушенному храму? — взмолился он. — Сделай скидку, братец Системщик! Если меня избыют сначала здесь, а потом еще и там, я просто копыта отброшу до того, как начнется вся эта магия!

[Условия приняты. Списание за корректировку маршрута: 500 очков репутации]

— Эй! погоди, беспредельщик! Верни обратно, я никуда не иду! Не смей списывать! — мысленно завопил Гэ Хуань, но было уже поздно.

Пятьсот очков одним махом! Ну и тварь же эта Система! Все его тяжкие труды за последнюю неделю испарились из-за одной паршивой прихоти искусственного интеллекта.

В самый первый день эта бездушная железка ясно дала понять: хочешь вернуться в свой привычный, теплый мир — изволь довести главного героя до пика его темного величия и завершить весь путь становления Владыки демонов.

И только ради этой заветной цели — снова обнять маму с папой — избалованный городской парень терпел скотские условия, гнул спину и влачил жалкое существование в этом свинарнике.

Ему приходилось изображать из себя заботливую няньку для двоих детей, почтительного сына при умирающем родителе и идеального старшего брата.

Вдобавок Система обещала, что за каждый успешно пройденный этап сюжета ему будут начислять очки репутации.

Накопив тысячу очков, он мог бы переписать сценарий следующей главы по своему вкусу или вообще открыть альтернативную сюжетную ветку. Но если счетчик упадет до нуля — Гэ Хуань останется здесь навсегда.

За восемь дней адского труда он сумел скопить целых семьсот очков. Он лелеял надежду набрать заветный косарь, чтобы избавить себя от самых изощренных пыток, уготованных каноном.

И вот — одним махом скатился обратно к нищете.

Делать нечего. Раз уж штраф все равно списали, пришлось разворачивать телегу и уныло тащиться к Разрушенному храму, чтобы сберечь хотя бы жалкие остатки баланса.

Себя ему было не так жалко — в конце концов, парень он крепкий, выдюжит. Но каково придется малышам?

За эти восемь дней он успел искренне привязаться к ним. Немая сестренка, несмотря на свой недуг, росла удивительно смышленной и заботливой девочкой: каждое утро она безропотно отправлялась на рынок, чтобы раздобыть хоть какие-то объедки и помочь брату прокормить семью.

Когда Гэ Хуань только очутился здесь и был от безысходности, именно эта кроха делилась с ним последним теплом. Только благодаря ей они как-то держались вместе.

Храм полностью оправдывал свое название. Посреди заваленного мусором зала сиротливо ютилась расколотая статуя Будды, сквозь щели в стенах завывал сквозняк, а обрывки грязных гобеленов уныло хлопали на ветру.

Затащив телегу внутрь, Гэ Хуань отыскал относительно чистый уголок возле старого соломенного мата. Усевшись на него, он прижал к себе сестренку одной рукой, а второй придерживал спящего младенца.

Почувствовав, как девочка мелко дрожит от холода и страха, Гэ Хуань тихо шепнул ей на ушко:

— Не бойся, маленькая моя. Я рядом.

Кроха подняла на него свои заплаканные глаза, в которых блестели крупные слезинки.

— Ну же, не плачь, — Гэ Хуань ласково погладил ее по спутанным волосам. — Я не хотел забирать вас из дома, честно. Но обещаю, скоро все наладится. Верь мне, это ненадолго. Твой брат умен и силен, неужели я вас не прокормлю? Все будет хорошо, глупенькая.

Он бережно укутал ее в лохмотья, согревая своим теплом.

Вскоре дети пригрелись и уснули. Гэ Хуань прислонился спиной к полуразрушенной колонне, со страхом и покорностью ожидая неминуемой расправы, предписанной сюжетом.

Где-то в глубине души он даже начал уважать книжного Гэ Хуаня. Волоочь на себе такое неподъемное бремя... Неудивительно, что парень в конце концов сошел с ума и примкнул к демонам. Любой бы сломался.

К тому же у оригинального героя было природное духовное ядро — редчайший дар, позволяющий аккумулировать первозданную энергию Инь и Ян, в отличие от искусственных ядер обычных заклинателей.

Гэ Хуань скосил глаза на собственную грудь.

«Никакой разницы. Может, это ядро просто делает меня выносливее? Позволяет дольше не есть и лучше переносить побои? Иначе как этот бедолага выжил после стольких зуботычин?»

Ночь окончательно вступила в свои права. Бледный лик луны проглядывал сквозь проломы в потолке, заливая холодным призрачным светом потрескавшийся пол.

Спустя некоторое время тишину нарушил гомон голосов. В храм, громко хохоча и толкаясь, ввалилась орава оборванных, грязных, но на диво бодрых побирушек. Заметив сиротливо жмущегося в углу чужака, они разом замолкли, недоуменно переглядываясь.

Вперед выступил их вожак — рябой верзила со слипшимися от грязи волосами. Он зловеще надвинулся на Гэ Хуаня:

— Эй, недоносок, ты ничего не попутал? Это наша точка. Жить надоело, раз решил у нас место отжать?

От вожака несло застарелым потом, гнилью и перегаром. От этого амбре у Гэ Хуаня помутилось в глазах. С трудом подавив рвотный позыв, он примирительно заговорил:

— Мужики, не кипятитесь. Нам бы только ночь переждать, а на рассвете мы сразу уйдем. Честное слово.

— Переночевать? Можно и переночевать, — рябой оскалился, обнажив гнилые зубы. — Только застой у нас платный. Десять медных монет со взрослого носа. Вас тут... раз, два... пятеро. С вас полтинник. Но так и быть, сделаю скидку новичкам — гоните сорок монет.

— Слышал, что босс сказал? Живее доставай заначку! — загоготали стоящие позади него подельники.

Сорок монет? Да если бы у Гэ Хуаня завалился хотя бы один жалкий медяк, разве стал бы он ночевать в этом клоповнике?

— Ребята, ну откуда у нас такие деньги? — вздохнул он, стараясь говорить как можно мягче. — Смилуйтесь, пустите Христа ради всего на одну ночь.

Громкие голоса разбудили спавшую у него на груди сестренку. Испуганная девочка судорожно

вцепилась в его лохмотья, пытаясь спрятаться от угрожающих фигур.

Гэ Хуань ласково погладил ее по спине, безмолвно умоляя не выдавать своего страха.

Этот рябой ублюдок всю жизнь сам стоял на коленях перед сильными, а сегодня ему наконец-то представился случай отыграться на ком-то еще слабее. Раздувшись от собственной важности, он с силой пнул Гэ Хуаня в плечо:

— Нет денег — пошел вон отсюда! Чтобы духу вашего здесь не было!

«Он посмел меня ударить?! — внутри Гэ Хуаня вскипела ярость. — Меня, домашнего любимчика, которого родители пальцем никогда не тронули! Какой-то паршивый бродяга будет вытирать об меня ноги?!»

В конце концов, в прошлой жизни он три года профессионально занимался боксом и вымахал под метр восемьдесят. Раскидать эту кучку задохликов для него не составило бы никакого труда.

Гэ Хуань решительно загородил собой испуганных детей, поднялся на ноги и хрустнул костяшками пальцев, готовясь преподать местной банде урок хороших манер. Но в ту же секунду в голове раздался бездушный писк:

[Предупреждение! Любая попытка изменить ход канонических событий приведет к мгновенному аннулированию оставшихся очков репутации]

Гэ Хуань тут же растерял весь свой боевой пыл. Он заискивающе улыбнулся и закивал:

— Да ладно вам, мужики, чего сразу драться? Уходим мы, уходим. Будто я сам катиться не умею.

Он бережно подхватил детей и потянулся к ручке тележки, однако грязный сапог одного из нищих намертво заблокировал колесо.

— Ты думаешь, отсюда можно вот так просто уйти? — процедил побирушка.

«Тоже мне, нашли элитный курорт. Слышали бы вы себя со стороны, идиоты...»

— Чего еще вам надо? — хмуро спросил он.

Бродяга скользнул по нему липким, оценивающим взглядом:

— А ты ладный парень. Кожа белая, нежная... Может, скрасишь нам вечер, а?

Остальные покатались со смеху:

— Совсем без баб из ума выжил, старый извращенец! Уже на парней заглядываешься!

— Тьфу, мерзость какая. Если приспичило — сам развлекайся, у меня таких наклонностей нет,
— проворчал другой оборванец, выуживая из сальных волос жирную вошь и отправляя ее
прямо в рот.

«Да пошла она к черту, эта Система! Пускай списывает всё до последнего очка! В оригинале
близко не было подобной пошлятины!»

Даже кролик кусается, если его загнать в угол. А он — мужчина, черт возьми! Терпеть
подобные унижения от кучки гниющих заживо отбросов? Да лучше сдохнуть прямо здесь, чем
спустить им это с рук!

Он аккуратно опустил плачущую сестру на пол, повернулся к рябому и расплылся в самой
нежной, многообещающей улыбке. А в следующую секунду его кулак с зубодробительным
хрустом врезался бродяге прямо в челюсть.

Рябой, который уже предвкушал легкую забаву и довольно шурился, даже пикнуть не успел.
Удар сбил его с ног, и он мешком повалился на землю.

Остальная свора мгновенно взревела от ярости. Позабыв обо всем, они гурьбой набросились на
Гэ Хуаня. Им только дай повод выместить на ком-нибудь свою злость — пинали ногами, не
жалея сил.

— Ах ты щенок паршивый! Жить надоело?! Нашего жоака бить?!

— Да босс тебя облагодетельствовать хотел, урод неблагодарный!

Рябой кое-как поднялся, зажимая окровавленный рот, и исступленно заорал:

— Бейте его! Забейте до смерти эту тварь! — Он подскочил к лежащему Гэ Хуаню и изо всей
силы нанес несколько тяжелых ударов сапогом под дых.

Немая сестренка, оцепенев от удивления и ужаса, истошно зарыдала, но подойти не решалась.
Младенец в колыбели вторил ей пронзительным визгом.

«Пусть убивают... — билось в его угасающем сознании. — Лучше сдохнуть прямо здесь, чем так

мучиться. С меня хватит!»

Какая разница? Сопротивляешься ты или покорно сносишь побои — исход один. Он не ел нормально уже целую вечность, его изнеженный организм просто отказывался принимать подножный корм. Тот, кто в прошлой жизни не проронил ни слезинки, за эти восемь дней выплакал всё до капли.

«Пусть забьют до смерти. По крайней мере, тогда не придется тащиться в этот проклятый орден и напрашиваться в ученики к наставнику-садисту. Одно воспоминание о нем бросает в дрожь».

В романе этот монстр выжжет герою меридианы, лишит чувств, переломает все кости, а потом отрубит конечности и бросит гнить в кадку с ядовитым зельем. И только после этого несчастный юноша сломается, впустит в себя тьму и переродится в демона.

Но до этого финала еще так далеко, а умирает он прямо сейчас.

Гэ Хуань сжался в комок, тщетно пытаясь защитить лицо.

Острая, разрывающая боль волнами катилась по телу, проникая в каждый сустав. Вопли бродяг, детский плач, глухие удары — всё смешалось в один сплошной кошмарный гул. В груди поднималась удушливая волна ярости и бессилия.

«Сдохните... Сдохните все до единого!»

Но первым, похоже, суждено умереть именно ему.

Гэ Хуань бессильно закрыл глаза.

И вдруг всё прекратилось. Удары перестали сыпаться на его измученное тело. Вокруг воцарилась неестественная, звенящая тишина. Стихли даже хлопки грязных гобеленов на ветру.

«Что случилось? Неужели я вернулся домой?» — теплясь слабой надеждой, Гэ Хуань осторожно убрал руки от лица.

Картина, представшая перед ним, лишила его дара речи. Все нападавшие бездыханными тушами валялись на полу. Огарки свечей, давно потухшие, теперь ровно горели, заливая зал мягким теплым светом.

Сестренка, крепко прижимая к себе спящего брата, тихо сидела в углу, испуганно хлопая глазками.

«Неужели во мне проснулась скрытая сила? Я что, сразу превратился в демона? Вот это повезло!»

Но его ликование прервал чужой голос.

— Всё хорошо. Не бойся, я защищу тебя.

Глубокий, бархатистый и невероятно мягкий голос раздался откуда-то из-за его спины, подобно первому лучу солнца, прогнавшему ночную мглу из его израненной души.

<http://bllate.org/book/19556/2028332>